

Проблема постсоветского человека в концепции тоталитаризма

Тезисы к семинару в Перми

В последние годы вновь усиливается интерес к концепциям тоталитаризма, вызванный дефицитом общих концептуальных и теоретических средств интерпретации процессов на постсоветском пространстве. Однако есть опасность (по меньшей мере – в России) сведения исследовательской проблематики к изучению истории репрессий, своего рода гулаговскому краеведению. Нисколько не умаляя значения подобных описаний, считаю, что подобное ограничение тематики тоталитаризма обедняет суть этого подхода.

В XX веке не было более важной проблемы, чем проблема тоталитаризма. Тематически здесь пересекались все основные линии интеллектуального движения новейшего времени – утопии нового мира, государственного насилия, национальной консолидации, конец эпохи просвещения и рационализма. В социально-политическом или социально-экономическом плане понятие тоталитаризма охватывает разнообразные формы установления диктаторских режимов в странах запаздывающей, догоняющей модернизации, в которых политика пришедших к власти клик или группировок была подчинена задачам принудительной, форсированной военной индустриализации и реформированию систему управления, освобождению от рутины традиционных институтов и укладов жизни, мешающих быстрому развитию страны. Проводимая средствами жесточайшего террора и массовых репрессий, эта политика сопровождалась кампаниями по национальной консолидации общества, интегрируемого как утопическими надеждами на новую жизнь, так и страхом перед чужими, ненавистью к внутренним или внешним врагам (этническим, расовым, классовым), в государственной пропаганде приобретающих характер мифологических или метафизических персонификаций зла.

Родившись как генерализация первоначального опыта описания и объяснения новых репрессивных режимов, возникавших в Европе после первой мировой войны, в кризисной ситуации распада империй, массовых идеологических движений (коммунистического или национал-социалистического толка), концепция тоталитаризма была предназначена для того, чтобы направлять внимание исследователей на выявление общих характеристик институциональных систем этого типа (прежде всего - советского коммунистического режима, германского нацизма, итальянского фашизма, но также – и фашизоидных режимов в Восточной Европе, Испании и других регионах) и проведение сравнительно-типологического анализа их особенностей и последствий. Тоталитарный социальный порядок мог возникнуть самым разным путем (в том числе - и в ходе оккупации Советской Армией стран Восточной и Центральной Европы, составившей «соцлагерь», или деколонизации, как в Азии), но существовать – только при условии сращения партии или руководства движения, захвативших власть, с государственными структурами управления, суда и законодательства и т.п. Его особенность заключалась в пронизывающей любые сферы социальной жизни монополии на кадровые назначения, а также идеологическом и полицейском контроле, усиленных пропагандой, милитаризацией повседневности, короче, ограничении дееспособности отдельного индивида, его социальной и профессиональной мобильности, доступа к информации, рационализации его потребления и образа жизни и т.п., а значит - превращения общества в закрытый и иерархически организованный бюрократический социум. Уже первые аналитики (Л.Стурцо, В.Гуриан и др.), обращавшиеся к технологии тоталитарной власти, отмечали огромное значение, придавшееся в этих обществах партийному строительству, идеологическому и военно-спортивному воспитанию молодежи, созданию

многоуровневой системе механизмов и ритуалов социальной мобилизации, культу вождя и т.п., что определяло преданность режиму нового поколения, перед которым открывались шансы на невозможные ранее социального продвижения и успех.

Для одних исследователей главная проблема, подразумевавшаяся в концепциях тоталитаризма, заключалась в том, чтобы понять, как формируются эти режимы, попытаться ответить на следующие вопросы: как возможна защита от экспансии тоталитаризма (нацистской Германии и СССР, позже - СССР и его блока), где искать ресурсы противостояния расползающейся вместе с процессами модернизации угрозы тоталитарных идей и движений, не известных ранее массовых утопических идеологий (революционно-миссионерских, национально-расовых, а теперь и расово-религиозных). Других же больше всего интересовала природа государственного террора, массовых репрессий, геноцида, их рациональный – в отличие от «обычных» в истории зверств и жестокостей – характер и систематическое обоснование. Внимание интеллектуалов - философов, писателей, психологов – занимало, прежде всего, в чем заключается секрет психологического и интеллектуального соблазна тоталитарных идей, обрекающих образованное сословие на неизбежную сервильность или человеческий слом, крах, в чем причины предательства «критически мыслящей интеллигенции», прежних носителей духа рациональности, просвещения и образования и проч. и проч.

Много позже, уже в конце 60-70-х годов встали задачи анализа ресурсов воспроизводства тоталитарных режимов, а также – институциональной и человеческой инерции, обеспечивавшие их существование уже после полного вырождения мессианских или утопических представлений, либо их идеологических суррогатов.

Крах советской системы не только не лишил смысла концепции тоталитаризма, но, напротив, сделал их особенно актуальными. Сегодня круг тематических исследований последствий этих институциональных режимов заметно расширился. Он включает и социально-антропологические основания консервации обществ такого рода, ставшие очевидными в России и других странах Восточной Европы (например, работы Е.Мачкова), уже после конца коммунизма, и формы повседневной адаптации к репрессивным структурам, и изучение явлений вторичного или имитационного авторитаризма, компенсирующего разрывы в системе социальных ориентаций и культурной репродукции, как это имеет место в нынешней России. Наконец, подходит время, когда придется заниматься уже не только европейскими, но и до сих пор не принимавшимися во внимание формами «восточного тоталитаризма» (китайского, вьетнамского, полпотовского или иракского, или еще какого-то африканского закрытого репрессивного режима), возможностей и путей выхода из этого состояния и т.п.

Другими словами, категория тоталитаризма стала элементом идентификации современных демократических обществ, но именно поэтому, в силу своей сверхценности, понятие тоталитаризма, превратилось в весьма расхожее политическое клише, едва не потеряв свое значение в качестве средства описания или интерпретации. Долгое время это понятие считалось безнадежно устаревшим, похороненным историками по разным причинам, включая многозначность или теоретическую неопределенность своего смыслового содержания, оценочность (неприемлимую европейскими левыми или советскими идеологами), ангажированность, казавшуюся неустранимой связью с эпохой холодной войны и проч. И лишь в последнее время – в конце 80-х и в 90-е годы, в разных странах интерес к теоретической истории и содержанию концепции тоталитаризма возродился с новой силой.

Таким образом, методологический смысл теории/концепции тоталитаризма заключается в не описании конкретного репрессивного режима, а в возможности системного видения проблематики тоталитарных режимов, их сравнительно-внутреннего типологического анализа и, главное, – потенциале анализа выхода из них, факторов разложения (что было невозможным ранее, поскольку классические исследования останавливались на фазе формирования и функционирования режимов, потерпевших

военное поражение). Тоталитаризм не равнозначен террору и репрессиям, практикам уничтожения. Главное в этой идее – системность анализа различных институциональных практик господства и построения «общества нового типа». Собственно, этот момент и подчеркивает исходное понятие «тотальный» или «тоталитарный»: особая организация господства - сращение партии и государства (появление новой элиты - номенклатуры, внутренней партии) + вытеснение и уничтожение политических оппонентов + специфика права и судопроизводства + тайная политическая полиция и массовый террор + подчинение экономики целям господства + особые формы воспитания и социализации + режим закрытого общества и + милитаризация общества и экономики + геополитическая экспансия. Методологическое значение тоталитаризма заключается именно в удержании системного характера анализа, понимании перспектив и взаимосвязи разных по своей природе явлений – политических, культурных, правовых и проч.

Критика тоталитаризма, исходит из неадекватности генерализованных конструкций тоталитарных режимов историческим конкретным явлениям репрессивных режимов. Однако подобные обвинения снимаются обращением к самой истории теоретической и методологической эволюция концепции тоталитарного господства как новых форм, соединения архаических институтов господства и стратегий модернизации в тех или иных странах. Можно (полезно для понимания логики исследований) выделить несколько стадий развития этих теорий (1920-40-е годы – аккумуляция описаний новых форм и технологий господства; 1950-60-е – систематизация имеющихся форм, поиск общей теории, акцент на сравнительно-типологическом изучении разных режимов, главным образом – сравнения нацизма и советской, преимущественно, сталинской системы; 1970-80-е годы – идеологическая критика и дискредитация идеи тоталитаризма и массовый отказ от этого подхода. 1980-е – первые попытки осмысления внутренних напряжений внутри тоталитарных систем и поиск выхода из них.

Крах советской системы в конце 1980-х годов отодвинул на задний план разработки проблематики тоталитаризма, поставив в центр политических исследований транзитологические концепции, имеющие практический и идеологический приоритеты. Но – после очевидных неоднозначных последствий реформ, неудач или препятствий на этом пути – в 2000-е годы возник интерес к тематике консерватизма тоталитарных институтов, сохранившихся даже после распада всей *тоталитарной системы*, инерционности посттоталитарного социума, а стало быть - попыток нового понимания глубинных причин тоталитаризма. Эта волна исследований обращала внимание на обстоятельства и формы повседневной жизни в условиях тоталитаризма, пытаясь найти там причины его разложения.

Каждый тоталитарный режим порождал свою идеологему «нового общества» и «нового человека». Последний мыслился и как строительный материал для общества будущего и как цель идеологической и социализационной практики (включая и террор как средство уничтожения «старых» классов и групп, «старого» человека; отсюда борьба с пережитками, институты гнилой буржуазной демократии и т.п.).

В научном плане крайне важным изучение того, как лозунг воплощается в практиках принуждения и репрессивной социализации, идеологической доктринации населения, порождая все новые стратегий и тактики адаптации к репрессивному государству. Идеологема «нового», или «советского человека» возникла в 1920-х--30-х годах как постромантическая версия субъекта исторических изменений. Исключительность условий и цели строительства социалистического общества должны были поддерживаться параллельным тезисом о формировании людей совершенно особого, необычного склада. Такого рода мифологемы характерны именно для ранних этапов тоталитарных режимов (его аналоги можно найти и у нацистов в Германии, и в фашистской Италии). Но, если по отношению к нацизму или фашизму не приходится говорить о проблеме репродукции этого «человека» в силу относительной краткости существования этих режимов (12 и 20 лет), уничтоженных в результате военных

поражений, то по отношению к советскому тоталитаризму вполне оправданным является вопрос о том, как, в какой степени советские социально-экономические, пропагандистские или репрессивные институты влияли на структуру личности, формировали ее, а в какой - этот сложившийся тип личности обеспечивал функционирование и репродукцию описываемой институциональной системы.

Первые попытки свидетельствовать о реальности человека социалистического общества, эмпирическом (а не идеологическом) существовании человека принципиально другого типа, нежели до сих пор известные в истории, приходят на конец 1950-х годов. В 1958 году выходит книга немецкого политолога, писателя и советника К.Аденауэра К.Менерта «Советский человек», мало известная у нас, но имевшая в свое время значительный резонанс в Западной Германии¹. Несколько позже появляется «теоретический» труд под тем же названием одного из официальных советских идеологов Г.Смирнова² и бесчисленное количество работ научных коммунистов, всячески развивавших основные его тезисы. Вполне логично, что за этим последовали и эмигрантские полупародии или перелицовки самой идеи «советского человека» (А.Синявского, А.Гениса и П.Вайля, А.Зиновьева). Попыток всерьез озаботиться тем, насколько глубоким было влияние советской системы на людей, сохранилось ли это влияние при смене поколений, то есть можно ли говорить о действии механизмов социальной и культурной репродукции и других теоретических вопросах, фактически не было.

Значимость этой проблематики только возрастала с течением времени, поскольку после первых лет реформ в России все сильнее и сильнее проступали консервативные или реставрационные тенденции, причем, как показали результаты социологических исследований, одним из важнейших обстоятельств, блокирующих возможности изменений, трансформации системы социальных, политических или экономических отношений, являлся сам тип человека, сложившегося одновременно с формированием советской тоталитарной системы и выступающего в качестве ее опоры, а в настоящее время - и условия консервации и воспроизводства сохранившихся тоталитарных институтов³. Именно этот тип человека стерилизует довольно слабый потенциал реформ, противостоит тем группам или общественным силам, которые декларируют свою приверженность к либеральным и более гуманным формам общества. Распространенность этого типа и его функциональная роль отличает характер последующего развития в России от других стран Восточной и Центральной Европы после краха коммунизма и распада соцлагеря.

Первые эмпирические исследования, ставшие возможными только в годы явного кризиса и краха советского режима, зафиксировали позднюю фазу существования советского человека, точнее - явления его разложения. Но разложение не означает исчезновение этого типа, отсутствие следов его воздействия. Напротив, чем дальше по времени мы уходим от первого замера 1989 года, тем все более значительными представляются функциональная роль этого человеческого типа.

«Советский человек» - это конструкция человека (идеальный тип), представляющая сложный набор взаимосвязанных характеристик, которые связывают социальную систему (институционально регулируемое поведение) и сферу символически-смыслового производства (социокультурные образцы, паттерны поведения и ориентаций).

¹ Обычно ссылаются на второе, значительно переработанное и расширенное издание его книги: Mehnert K. Sowjetmensch: Versuch eines Portraits nach dreizehn Reisen in die Sowjetunion, 1929-1959. 2.Aufl., Stuttgart, 1967.

² Смирнов Г.Л. Советский человек: формирование социалистического типа личности. М., Политиздат, 1971 (2-е и 3-е издания - в 1973 и 1980 гг.).

³ Конечно, сегодня уже нельзя говорить о целостной системе этих институтов, как таковая она распалась, часть из них (ЦК КПСС, Госплан и другие) прекратили свое существование, но другие (ФСБ, армия, МВД, суд, школа), частично изменившись, продолжают свое функционирование.

Они подкреплены соответствующими механизмами социального контроля, а значит – набором различных санкций и гратификаций. Речь идет о *нормативном образце*, длительное время оказывавшем влияние на поведение значительных масс тоталитарного общества. Было бы упрощением полагать, что этот образец человека, навязываемый пропагандой, поддержанной различными репрессивными структурами и институтами социализации (школой, армией, СМИ), принимался «обществом» и усваивался в полном соответствии с интенциями власти.⁴ Но в долговременной перспективе следует учитывать более сложные последствия его принятия, отвержения или трансформации отдельных составляющих (например, последствий самого подавления разнообразия, кастрации социальной, культурной и интеллектуальной элиты, состояния безальтернативности власти или политического выбора, нарастания апатии и аморализма в обществе и др.).

Основу образца составляют представления об

– *исключительности* или *особости* «нашего» (советского, русского) человека, его превосходстве над другими народами, или, по меньшей мере – несопоставимости его с другими,

- его *«принадлежность»* государству (взаимозависимость социального инфантилизма - ожиданий «отеческой заботы от начальства» - и контроля над собой, принятие произвола властей как должного),

- *уравнительные*, антиэлитарные установки,

– *соединение превосходства с ущемленностью* (комплекс неполноценности).

Нерасторжимое соединение коллективных ценностей с насилием образует механизм подавления или дисквалификации субъективности, отказа в признании значений автономности индивида или группы, нелегитимность любых структур социального взаимодействия, базирующихся на частных интересах или значениях негосударственной жизни. Основная функциональная роль этого образца состояла в том, чтобы соединить несоединимое: официозный пафос героического служения и самопожертвования и принудительного аскетизма, политику форсированной модернизации сверху и искусственной бедности, обращающейся индивидуальной незаинтересованностью в результатах работы, имперскую спесь и дефектность этнической идентичности (комплексы национальной неполноценности), подавление субъективности (цензура в науке и искусстве, утверждение эпигонства в интеллектуальной сфере) и навязывание преклонения перед мертвым классическим наследием, разрушение гражданской солидарности и массовые фобии перед чужим и незнакомым и т.п.

Производные от этого лозунга или образца черты советского человека выражены в усвоенных формах массового поведения и коллективной идентичности, способах адаптации: *принудительная самоизоляция, государственный патернализм, эгалитаристская иерархия, имперский синдром*. «Отличительные черты советского человека – его принадлежность социальной системе, режиму /системе ограничений/, его способность принять систему, но не его активность»⁵. Советский человек - «это *массовидный* человек ("как все"), деиндивидуализированный, противопоставленный всему элитарному и своеобразному, «прозрачный» (т.е. доступный для контроля сверху), примитивный по запросам (уровень выживания), созданный раз и навсегда и далее неизменяемый, легко управляемый (на деле, подчиняющийся примитивному механизму управления. Все эти характеристики относятся к лозунгу, проекту, социальной норме, и в то же время – это реальные характеристики поведенческих структур общества».⁶

Неизбежное появление латентных и дополняющих структур или промежуточных систем взаимодействия (теневая экономика, дефицитарно-блатные отношения распределения и солидарности, скрытые каналы и источники информации – рефераты для

⁴ Такова идея оккупационной власти, разделяемая очень многими критиками коммунизма.

⁵ Советский простой человек, с. 24.

⁶ Там же, с 8.

служебного пользования, сам- и тамиздат, зарубежное радио – «голоса из-за бугра», поездки на запад, служба и работа за границей, и проч.) не только обеспечивают адаптацию населения к требованиям государства, но и создают систему выживаемости, защиту от репрессивного режима. Подобная двойственность и постоянно работающий механизм осреднения, понижения блокирует процессы структурно-функциональной дифференциации, что в конечном счете ведет к экономическому застою, с одной стороны, и разложению системы, общей деморализации, с другой.

Сформировавшийся в условиях воспроизводства тоталитарных институтов человек характеризуется общей тревожностью (из-за постоянной угрозы нарушения тех или иных внешних норм), недоверчивостью (низкий уровень доверия к основным институтам, декларативная лояльность власти при глубоком неуважении ее представителей и институтов, доверяют лишь узкому кругу «своих»), двоемыслием, партикуляризмом, коротким горизонтом времени (отсутствием планирования своей жизни и средств методического контроля над собственными ресурсами), высоким потенциалом агрессии. Внутренний аморализм и сопротивление любым переменам (вне зависимости от их направленности) задают условия для воспроизводства инертного человеческого материала. Все это и создает тот консервативный консенсус, который блокирует потенциал изменений и формирования универсалистских, правовых и представительских институтов. «Понижающий трансформатор» работает на всех уровнях (массовом, элитном, институциональном), причем - вне зависимости от типа элиты: консервативной, прогрессистской, эгоистической.